

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Lucien M. Hanks. Rice and man. Agricultural ecology in Southeast Asia. N. Y., 1975, 174 p.

Увеличение населения, бурными темпами происходящее в XX в. в странах Юго-Восточной Азии, порождает массу проблем, среди которых одна из важнейших — обеспечение людей хотя бы прожиточным минимумом. Основой питания всех народов этого района земного шара является, как известно, рис. Страны Юго-Восточной Азии обеспечивают рисом и другие регионы; только Бирма и Таиланд дают более 40% мирового экспорта риса. Поэтому проблемы производства риса имеют жизненно важное значение для миллионов людей, и научные исследования, могущие способствовать более успешному решению этих проблем, приобретают огромное практическое значение. На наш взгляд, не будет преувеличением сказать, что к таким исследованиям относится рецензируемая книга «Рис и человек», написанная сотрудником отдела Юго-Восточной Азии Корнеллского университета (США) Люсьеном М. Хэнксом.

Научный анализ различных методов выращивания риса, осуществленный с целью выявления наиболее подходящего в тех или иных конкретных условиях, Хэнкс ведет, не упуская из виду того, что он считает главным, а именно — сохранения гармонии в отношениях человека с природой. Вот почему читателя не должна удивлять осторожность, проявляемая автором книги в отношении такого разумного, на первый взгляд, способа увеличения количества производимого риса, как повышение эффективности сельского хозяйства. На то есть две причины: во-первых, по мнению Хэнкса, необходимо ясно представлять социальные последствия такого пути развития, так как, по его словам, «изменение метода земледелия влечет за собой серьезные социальные и психологические перемены, и мы должны знать „человеческую цену“ повышения урожая» (стр. 1); во-вторых, потому, что, как наглядно свидетельствует опыт человечества, чрезмерное увлечение техникой в наиболее развитых странах мира приводит к столь значительным нарушениям в природной среде, что есть все основания бить тревогу, дабы избежать пагубных для человечества последствий этой критической ситуации. Действительно, экологическая ситуация в мире волнует в наши дни всех мыслящих людей. Дело зашло так далеко, что, как пишет советский ученый И. Б. Новик, «если не остановить вредные для биосферы техногенные влияния, то мы рискуем столкнуться с опасностью вытеснения выработанных многими миллионами эволюцией высших форм жизни — высших растений и животных — низшими, стоящими на более низких ступенях эволюционной лестницы, формами»¹. Книга Хэнкса является попыткой предостеречь восточные страны от следования примеру западных стран с их культом материальных ценностей, с их заволаживающим обществом в тупик технического прогрессом, в котором Хэнкс глубоко разочарован. Хэнкс не ставит точки над *i*, но совершенно очевидно, что обществом, компрометирующим в его глазах саму идею технического прогресса, является американское капиталистическое общество, и от следования его путем он пытается предостеречь слаборазвитые страны.

Хэнкс не одинок в противопоставлении «западной» технологической и «восточной» дотехнологической цивилизаций, которое методологически, по словам И. Б. Новика, основано «на метафизическом разрыве Запада и Востока», на игнорировании тенденции индустриализации «третьего мира». «Наставлять на отказ от „западного“ технологизма в пользу „восточной“ погруженности в природу, — пишет И. Б. Новик, — значит абсолютизировать раскол человечества, увековечивать отсталость»². Если в философском плане Хэнкс заслуживает таких упреков, и его заблуждения объясняются, конечно, тем, что он не является марксистом и не видит возможности позитивного решения экологических проблем на путях социалистических преобразований, то в защиту его можно сказать, что «экологический пессимизм» его происходит от понимания пороков капиталистического общества. Но обратимся к рассмотрению содержания книги.

Рецензируемая книга состоит из двух частей, разделенных каждая на четыре главы. Часть I, «Бангчан и возделывание риса», включает главы: «Юго-Восточная Азия и Бангчан», «Рис как растение и как сельскохозяйственная культура. История и распространение по земному шару», «Экосистемы риса в природе», «Энергетические затраты общества на выращивание риса». Часть II, «Адаптация к изменяющимся условиям», имеет главы: «Годы подсечно-огневого земледелия (1850—1890)», «Годы разбросного сева (1890—1935)», «Годы пересадки рассады (1935—1970)», «Бангчан в 70-е годы». В книге имеются приложения, библиография, индекс.

¹ И. Б. Новик, Будущее науки и экологическая проблема, «Вопросы философии», 1975, № 1, стр. 110.

² И. Б. Новик, Указ. раб., стр. 114.

В первой главе автор знакомит читателя с деревней Бангчан. Это сравнительно «молодое» (ему около 120 лет) поселение, раскинувшееся на площади в 2600 акров (из которых только 5% не возделываются), находится в 22 милях от Бангкока. Живет в нем около 1700 человек. Бангчан известен тайландоведам по нескольким исследованиям, в которых изложены результаты работы в нем этнографической экспедиции Корнеллского университета в 1948—1958 гг. Автор рецензируемой книги был одним из участников этой экспедиции, но продолжал работу в Бангчане и после 1958 г.

Вторая глава посвящена кратко изложению истории риса. Как известно, советские ученые — ботаники и этнографы — считают родиной риса Южный Китай, северную часть Юго-Восточной Азии и прилегающие области Индии³, такого же мнения придерживается американский ученый Д. Грист⁴. Автор рецензируемой книги, также разделяющий эту точку зрения, аргументирует ее ссылкой на работы японских ботаников, которые обнаружили, что разновидности риса *Oryza sativa*, встречающиеся в Южном Китае, ближе к японскому и индийскому подвидам риса, чем эти последние друг к другу⁵. Это и наводило ученых на мысль, что именно в этой области произошел переход от риса как дикорастущего растения к рису культурному. Данные археологической науки, отмечает Хэнкс, не противоречат этой гипотезе, хотя до сих пор археология не располагает еще достаточно определенными сведениями о стратиграфических отношениях между неолитическими культурами в этом ареале, связанными с древнейшим рисоводством.

В третьей главе Хэнкс рассматривает все известные способы производства риса — от собирания дикорастущего риса и выращивания его методом подсечно-огневого земледелия до разбросного сева и пересадки рассады. Переходя от описания подсечно-огневого земледелия к разбросному севу, Хэнкс употребляет следующее образное сравнение: «Это уже не танец с частыми импровизациями, а размеренные движения по правилам придворного этикета, конфуцианский поклон в ответ на поклон, кивок с улыбкой в ответ на приветствие» (стр. 34). Развивая приведенные образы, Хэнкс характеризует метод пересадки рассады как «ритуал, требующий не только точности танцора и находчивости придворного, но и методических знаний жреца» (стр. 38).

Наиболее интересна, на наш взгляд, четвертая глава, в которой рассматривается проблема энергетических затрат при различных методах производства риса. Собираение дикорастущего риса не требует затрат энергии на его производство. Тип отношений между людьми и собираемым ими рисом Хэнкс определяет как часть их разнообразных экологических ниш. Выращивая рис, человек вносит в окружающую его природную среду временные или постоянные изменения. На поддержание этой искаженной его вмешательством природной среды с целью сохранения необходимых для выращивания риса условий направлены основные усилия земледельца. Хэнкс употребляет в своей работе термин «холдинг» (holding). Он пишет: «Холдинг — это совокупность связей данных видов или сообществ видов с окружающей средой, частично или полностью измененной этими видами в целях выживания» (стр. 45). Хэнкс подчеркивает неразрывную связь любого холдинга с нишей: человек всегда должен приспосабливаться к природе, какую бы власть над нею он ни осуществлял.

В книге проведен сравнительный анализ затрат энергии на производство риса при разных типах земледелия. Сначала в таблице 4.2 (стр. 56)⁶ приведены данные о среднем урожае с участка площадью в один акр, обработанного подсечно-огневым способом (0,645 т/акр), засеянного методом разброса (0,594 т/акр) и засеянного рассадой (0,975 т/акр). В табл. 4.3 (стр. 56) показаны колебания урожаев: наибольшие при подсечно-огневом земледелии, они уменьшаются при разбросном севе и достигают минимума при пересадке рассады. Следующая таблица, 4.4 (стр. 57), показывает соотношение способа обработки земли и плотности населения: 31 чел. на кв. милю в районах, где население занимается подсечно-огневым земледелием, 255 — там, где применяется разбросной сев, и 988 чел. в районах, где практикуется пересадка рассады.

Вместо обычной постановки вопроса — сколько человек может прокормиться урожаем с данного участка земли — Хэнкс задается вопросом: сколько человек должны трудиться для получения урожая с этого поля? При всех типах крестьянского земледелия в Юго-Восточной Азии, по словам автора, главную часть земледельческих работ

³ См. об этом: А. М. Решетов, Основные вопросы древнейшей истории Юга Восточной Азии, в сб. «Проблемы этнографии и этнической истории народов Азии», М., 1968, стр. 259—262; Я. В. Чеснов, Доместикация риса и происхождение народов Восточной и Юго-Восточной Азии (Докл. на IX МКАЭН), М., 1973.

⁴ Д. Грист, Рис, М., 1959, стр. 15.

⁵ Японский и индийский подвиды риса имеют 12 хромосом каждый, но для первого, распространенного в тропической зоне от Южного Китая до Индии, характерно длинное зерно; этот подвид развивается строго в зависимости от температуры воздуха; второй — произрастает на островах Индонезии и Японии, имеет овальное зерно, развивается в зависимости от количества солнечной радиации; на колебания температуры не реагирует.

⁶ В этой и следующих таблицах есть графы, где указывается число наблюдений, как правило, невысокое, что говорит о недостаточной обоснованности вывода.

выполняет одно хозяйство, имеющее в среднем постоянно 2—3 пары рабочих рук и несколько помощников, но при расчистке поля (при подсеčno-огневом земледелии), а также при пересадке рассады и сборе урожая (при орошаемом земледелии) необходим коллективный труд всех жителей деревни или групп взаимопомощи на полях индивидуальных хозяйств. Таблица 4.5 (стр. 58) показывает, что затраты труда для получения урожая с одного акра земли в течение одного сезона составляют в среднем при подсеčno-огневом земледелии 67, разбросном — 17, и при пересадке рассады — 53 человекодня, т. е. с наименьшими затратами труда получают урожай при разбросном севе. Далее в таблице 4.6 (стр. 59) показана средняя площадь полей, находящихся в собственности одного хозяйства: при подсеčno-огневом земледелии — 3,8 акра, разбросном севе — 10,5 и при пересадке рассады — 5,5 акра. Если малая цифра в первом случае объясняется ограниченностью ресурсов рабочей силы, то при пересадке рассады она вызвана ограниченностью земельных ресурсов (так как плотность населения, оборот, значительна). Наибольшая возможность в этом отношении у земледельцев, занимающихся разбросным севом, которые обладают достаточно большими полями, возделывание которых облегчается использованием буйвола и применением плуга (отсутствующих при подсеčno-огневом земледелии).

Приведенные данные позволяют автору сделать вывод о затратах труда при получении одного урожая при разных способах возделывания земли. Затраты труда складываются из прямых затрат (пахота, посев и прополка) и не прямых, или косвенных (подготовка орудий труда, тягловых животных, содержание в порядке ирригационной системы). Умножая прямые трудовые затраты (вычисленные из расчета на единицу площади) на среднюю площадь участка, которым владеет одно хозяйство, Хэнкс получает величины, характеризующие расход людской энергии членами одного хозяйства при том или ином типе земледелия: 259 *человекодней/акр* при подсеčno-огневом земледелии, 179 — при разбросном севе и 292 — при пересадке рассады (табл. 4.7, стр. 60).

Далее Хэнкс приводит цифры, характеризующие потребность в не прямых трудовых усилиях в течение одного сезона (табл. 4.8, стр. 61): четыре *человекодня* при подсеčno-огневом земледелии, 122 — при разбросном севе и 138 — при пересадке рассады. Затраты труда на создание и содержание оросительной системы, которые очень различаются в зависимости от конкретных условий, Хэнкс обозначил знаком X , и потому окончательный результат подсчетов затрат труда одним хозяйством на протяжении одного сезона, включая прямые и не прямые затраты, выглядит так: 245⁷ *человекодней* при подсеčno-огневом земледелии, 301 при разбросном севе и 430 + X при пересадке рассады (табл. 4.9, стр. 62). На этих подсчетах основывается концепция Хэнкса о том, что для выращивания одного урожая риса последовательно усложняющимися способами требуется все возрастающая энергия.

В таблице 4.10 (стр. 64) Хэнкс выводит соотношение вложенного труда и полученного урожая путем деления первой величины на вторую и умножения на 1000: 9,08 — при подсеčno-огневом земледелии, 20,39 — при разбросном севе и 12,47 — при пересадке рассады. Для определения эффективности труда земледельца, полагает Хэнкс, необходимо измерять расход энергии и результат труда в одних и тех же единицах. Если за день работы расходуется 1,1 фунта риса (необходимое для пропитания взрослого человека количество), то при делении на эту цифру величины произведенного за день риса (17,6 фунта — при подсеčno-огневом земледелии и т. д.) и умножении полученного результата на 100, получаем искомую эффективность, или КПД: 1700% — при подсеčno-огневом земледелии, 3800% — при разбросном севе и 2300% — при пересадке рассады (стр. 6). Прибегая к языку математики, Хэнкс выражает мысли о затратах энергии на производство риса, высказанные в тексте главы, следующей формулой (стр. 67):

$$\text{Затраты общественной энергии} = f \frac{C M p t}{L}, \text{ где } f \text{ — функция, } p \text{ — число людей, } t \text{ —}$$

продолжительность труда в полевой сезон, L — возделываемая площадь, M — способ обработки земли, C — принятые в обществе установки относительно сельскохозяйственного труда, психический склад земледельцев и т. п. «Иными словами, — заключает Хэнкс, — вклад общественной энергии в определенный экологический район является функцией социальной организации и способа земледелия у данной рабочей единицы населения, трудящейся на полях определенного размера в данный сезон» (стр. 68).

Вторая часть книги (гл. 5—8) содержит конкретный материал, призванный подтвердить на примере деревни Бангчан теоретические суждения автора в первой части книги. Автор внимательно прослеживает, как отразилось на образе жизни и социальных отношениях деревенских жителей обращение к различным методам выращивания риса — от подсеčno-огневого земледелия к разбросному севу и, наконец, высадке рассады.

За непродолжительный период (как уже говорилось, Бангчан начинает свою историю с середины прошлого столетия) жители этой деревни использовали все способы производства риса. В первый период (1850—1890 гг.) происходило оформление Бангча-

⁷ Эта цифра нас удивляет, так как по непонятной причине в табл. 4.9 прямые затраты труда определены в 241 день вместо 255 (см. табл. 4.7), а потому и суммарный результат получился 245 вместо 259.

на как населенного пункта, его выделение из культурного ландшафта и окружающей среды — саванны. Несколько семей первых поселенцев добывали себе средства к существованию подсечно-огневым земледелием. В следующий период (1890—1935 гг.) население значительно выросло, так как, благодаря ирригационным работам, в 1908 г. были созданы условия для выращивания заливного риса. В этот период земледельцы засеивали свои поля семенами риса и довольствовались получаемыми урожаями. Так продолжалось до 30-х гг. нашего века, когда резкое снижение цен на рис заставило бангчанцев позаботиться о повышении урожаев — этим объясняет автор их переход от разбросного сева к пересадке рассады. К этому времени плотность населения достигла около 400 чел. на кв. *милю*. «Спрессованность» событий, на которые в других рисопроизводящих районах эйкумены потребовалось не одно тысячелетие, динамизм изменений, который неведом деревням Таиланда, испокон века специализировавшимся на выращивании заливного риса — все это привлекло внимание автора именно к деревне Бангчан. Это был редкий случай, когда удалось чисто этнографическими методами — с помощью личных наблюдений, опроса местных жителей, сбора сведений о других селениях с таким же непродолжительным сроком существования — восстановить историю столь значительных событий и подвергнуть ее затем специальному анализу.

Хэнкс показывает, какими событиями во внешнем мире, в природных и социальных факторах жизни Бангчана определялись последовательные изменения в экосистеме «человек — рис». Он придает большое значение тому, что Бангчан проделал путь от примитивного земледелия до его наиболее совершенных форм (типичных для большинства стран Юго-Восточной Азии, в которых механизация труда практически отсутствует) всего лишь за 85 лет, а древним китайцам для этого понадобилось более 5 тысяч лет. Почему это оказалось возможным? Благодаря использованию опыта, накопленного другими, — отвечает Хэнкс.

Сама постановка этого вопроса, да и ответ на него представляются весьма уязвимыми для критики. Кто такие жители Бангчана? Откуда они пришли сюда? Это жители Центрального Таиланда, чьи предки в течение многих веков, да и они сами до ухода на земли Бангчана, занимались тем самым орошаемым земледелием, для которого поначалу на месте, где возникла деревня Бангчан, не было условий, но через 85 лет здесь была создана ирригационная система, и бангчанцы восстановили вынужденно прерванную связь с культурой и традициями своих предков.

Думается, что рассматривая историю освоения района Бангчана, Хэнкс недооценил один из важных факторов, обозначенный буквой С в его формуле расчета затрат общественной энергии в определенный экологический район (см. гл. IV, стр. 19), а именно — принятых в обществе установок относительно сельскохозяйственного труда, психического склада земледельцев и т. п. Подобно тому, как жителям горных районов Таиланда (различным национальным меньшинствам) чрезвычайно трудно отказаться от привычного образа жизни и спуститься в долины (в чем заинтересовано государство), где потребуются совершенно по-новому организовать свой сельскохозяйственный труд, так и для тайских крестьян в низменных районах собственной страны длительный отход от рисоводства с пересадкой рассады, по-видимому, невозможен, и было бы удивительно, если бы не произошло «выравнивания» Бангчана с другими деревнями Центрального Таиланда.

Выводы, к которым приходит автор рецензируемой книги, помимо сугубо научного интереса, импонируют непосредственной связью с жизнью. Это — рекомендации относительно наиболее уместных (в зависимости от конкретных экологических и социальных условий) методов выращивания риса. Подсечно-огневое земледелие, по мнению Хэнкса, подходит к условиям богатой природными ресурсами местности с немногочисленным населением, требует незначительных затрат труда, но дает скромное вознаграждение. Разбросной сев более трудоемкий, но зато дает обильный урожай, который может прокормить большее население. Наконец, пересадка рассады, считает Хэнкс, является хорошим выходом из положения при возрастании плотности населения, когда нет недостатка в рабочей силе. Если первый способ земледелия, отмечает автор, не способствует дифференциации общества, то последний, требующий специализации хозяйств, возможен лишь в обществе, уже значительно дифференцированном. Первый способ подходит для небольшого народа, расселенного на обширной территории, в то время как пересадка рассады предполагает наличие большого населения, обрабатывающего маленькие участки земли, а земледелие с использованием метода разбросного сева образует промежуточную ступень.

На первый взгляд, эти выводы весьма банальны, и не дают какой-либо новой информации, но, будучи подкреплены расчетами по разным параметрам (см. таблицы в главе IV), приобретают силу и убедительность научной истины. Хэнкс подчеркивает, что для выращивания одного урожая риса последовательно усложняющимися способами требуется все возрастающая энергия, и предостерегает от нарушения баланса между затратами энергии и требованиями холдинга. Согласно концепции Хэнкса, оптимальный результат достигается в обществах, добивающихся наиболее полного соответствия между затратами энергии и требованиями холдинга. К таким обществам относятся как раз слаборазвитые страны (в том числе и Таиланд), заслуживающие похвалы Хэнкса за то, что вместо погони за материальными ценностями с помощью прогрессивной технологии они больше внимания уделяют ценностям духовным. Антиподами их для

Хэнкса являются общества, стремящиеся к предельному использованию своего энергетического потенциала: колоссальное превышение энергетических затрат над требованиями холдинга порождает социальные проблемы, извращения, одним словом, зло, проявлением которого являются, например, «затраты материальных и людских ресурсов на производство вещей, которые вскоре выйдут из моды, не будучи израсходованы, на производство — ценой миллионов человекодней — оружия для убийства десятков людей в далеких джунглях» (стр. 162).

Как уже отмечалось в нашей рецензии, положительная программа Хэнкса противоречива и весьма консервативна. Более того, он, по-видимому, переносит идеалы биологического равновесия в область социальных отношений. Хэнкс пишет: «...социальная стабильность в Таиланде, и, вероятно, вообще на Востоке может быть скорее достигнута путем поощрения развития различий в благосостоянии, нежели борьбой за социальное равенство... Те, кто видит прогресс лишь в возвышении среднего класса, могут способствовать разрушению того симбиоза, на котором держится порядок» (стр. 117). Но свою книгу он заканчивает весьма здравыми суждениями: «...мир священен и надо относиться к нему как к таковому. Труд производящий — наш священный долг» (стр. 163).

Е. В. Иванова

НАРОДЫ АФРИКИ

Lothar Stein. *Wandervolk der Wüste*. Leipzig, 1974, 334 S.

Вышла в свет книга «Кочевники пустыни» сотрудника Лейпцигского музея этнографии Лотара Штайна, который известен специалистам как автор ряда содержательных публикаций по этнографии бедуинов¹. В новой книге Л. Штайн в отличие от своих прежних работ, посвященных отдельным группам бедуинов, ставит целью дать представление обо всем кочевом арабоязычном мире, простирающемся от песков Северной Африки до пустынь Аравийского полуострова и Передней Азии. Будучи полевым этнографом, свободно владеющим арабским языком, Л. Штайн, естественно, положил в основу книги материал своих собственных наблюдений (в течение ряда лет он работал среди бедуинов Судана, Египта и Ирака). При этом широко использованы источники и специальная литература. Освещая разные стороны быта кочевников, автор знакомит читателя с жизнью бедуинов в наши дни. Обилие свежих сведений придает книге «Кочевники пустыни» особый интерес, ибо до сих пор литература небогата материалами, позволяющими в полной мере понять, насколько интенсивны современные социальные и культурные процессы среди бедуинов. Другое достоинство новой книги Л. Штайна состоит в том, что она предназначена не только для специалистов. На этот раз Л. Штайн отказался от утвердившегося в научной литературе способа изложения материала и обратился к динамичной форме путевого очерка. Общие сведения и исторические справки умело соединены с выразительными зарисовками самых различных эпизодов из быта бедуинов. Написанная просто и живо, книга доступна любому читателю, интересующемуся жизнью других народов Земли. Текст снабжен прекрасными фотографиями, большая часть которых сделана самим автором.

Л. Штайн умело сопоставляет картины старины с событиями последних лет, а форма очерка дала ему возможность свободно распределить материал исторического характера по всем десяти главам книги. При этом основные сведения о традиционной культуре кочевников все же сосредоточены в самых первых главах. Л. Штайн убедительно показывает, что и по сей день в жизни бедуинов сохранились очень многие черты прошлого. Как и века назад, они обитают в палатках, строго придерживаясь установленного деления жилища на мужскую и женскую половины; прежним остался и порядок распределения утвари на каждой половине, причем круг предметов, характерных для быта кочевника, подвергся лишь незначительным изменениям. Нет существенных новшеств и в одежде, и в пище кочевников — не угасло даже пристрастие к такому экзотическому лакомству, как высушенная подсолненная саранча; как и в старину, девушки украшаются татуировкой. Сложившиеся тысячи лет назад формы быта сопутствуют исконному общественному укладу бедуинов. Чрезвычайно устойчиво держится деление на племена, состоящие из подгрупп и более мелких подразделений; огромную роль в жизни соплеменников играют шейхи. Гостеприимство и кровная месть, власть отца в семье, приниженное положение женщины — все это явления сегодняшнего дня в пустынях, где странствуют бедуины. Образ мыслей современных бедуинов все еще воспроизводит древние нормы и обычаи, издавна регулировавшие

¹ L. Stein, *Die Sammar-Gerba*, «Veröffentlichungen des Museums für Völkerkunde zu Leipzig», Heft 17, Berlin, 1967; егo же, *Zum Problem der Raubzüge (gazû) bei den Sammar-Gerba*, «Annals of the Náprstek-Museum», 2, Praha, 1963; егo же, *Eine neue Sammlung iraqischer Ethnographika im Museum für Völkerkunde zu Leipzig*, Teil 1, Araber, «Jahrbuch des Museums für Völkerkunde zu Leipzig», Bd. XX, Berlin, 1964, и др.